

Отвращение Петра Первого от воды в детстве

Все летописи наши согласны в том, что в государе Петре I с самого нежного детства его примечена была особенная склонность к воинским упражнениям; но склонность сия ограничивалась сухопутными только экзерцициями, а не простиралась на водные, хотя и слушал он охотно от учителей своих описания морских сражений.

Причину сего открывает нам рукопись г. Крекшина, которую называю я обыкновенно «Дневником», то есть что он в детстве своем крайне был испуган водою, имел от оной отвращение.

Мы опишем здесь все, касающееся до сего происшествия.

Царица Наталия Кириловна, мать ироя нашего, в вешнее время посещала монастыри и при переезде через один ручеек, от наводнения сделавшийся нарочитою рекою, имея пятилетнего сего сына своего на руках спящего и сама несколько воздремавшая, шумом сильно стремившегося ручья сего и криком людей пробудившись и увидя воду в карете и оную несколько наклонившуюся и опрокинутую готовою (по крайней мере, страх представил ей сие), сильно закричала. Царевич, от сего крика пробудившийся, увидя бледность испуганной матери, воду в карете и шумное стремление воды, столько поражен был страхом, что тогда же получил лихорадку.

Таковое сильное впечатление в сердце младого государя произвело такое отвращение от воды, что он не мог взирать на реку, на озеро и даже на пруд равнодушно; и хотя он всячески старался скрывать сей страх свой, однако ж приметен оный был по тому, что никогда не видали его ни плавающего по водам, ни переезжающего вброд через реку, и ниже чтоб когда-либо искупался он в реке или в пруду, что продолжалось даже до четырнадцатилетнего его возраста.

В сие-то время освободился он от страха сего следующим образом.

Князь Борис Алексеевич Голицын, занимавший при нем место дядьки, предложил его величеству позабавиться псовой охотою, и хотя младый государь не любил сей охоты и во всю жизнь свою оною не занимался, но при сем случае, из уважения к просьбе сего князя, согласился на оное. Во время сей забавы князь, желая истребить в государе страх от воды, с намерением завел его к берегам реки Истры. Монарх, увидя реку, остановил коня своего. Князь спросил тому причины, и государь с видом огорченным сказал: «Куда ты завел меня?» — «К реке, — отвечивал князь. — Ваше величество, видите, сколь утомились лошади и за-

пылились охотники, так нужно лошадям дать отдохнуть и прохладиться, а людям вымыться. Родитель твой, — заключил князь, — часто сие делывал и в сей речке сам купывался», — и, не дожидаясь ответа, поехал через оную; а между тем все охотники, по предварительно данному приказу, раздевшись вмиг, очутились в реке купающимися. Сначала на сие досадовал монарх, но увидя князя перехавшего и с другого берега приглашающего его к себе, постыдился показать себя страшящимся воды и, сделав, так сказать, некоторое насилие себе, осмелился въехать в реку и переехать оную. Все бывшие при его величестве и за ним следовавшие, ведая страх его, обрадовались сему, да и сам монарх ощутил уже в себе от сего переезду некое удовольствие.

Царь, брат его¹, узнавши о сем, через несколько времени пригласил его с собою в село Измайлово, в котором было несколько прудов, способных к купанию. Он дал тайно приказ молодым своим царедворцам, что когда будет он с царем, братом своим, прогуливаться у прудов, чтоб они, разрезваясь, сталкивали друг друга в воду. Все сие было исполнено; и хотя младый государь крайнее на сие оказал негодование, но сии однако же молодые люди, по данному же приказу раздевшись, начали в воде купаться и резвиться. Резвость сия мало-помалу рассмешила младого государя, и он уже смотрел на то с таким равнодушием, что наконец согласился на предложение брата своего и сам с ним последовать их примеру; и с того времени совершенно миновало отвращение его от воды.

В сем-то селе монарх вскоре после чего нашел старый и брошенный ботик, который возбудил в нем чрезвычайное желание к заведению морских сил; и посему-то назвал он его *Дедушкою Российского флота*, как-то сие всем уже известно.

И мы видели, что коль сильное было его сначала отвращение от воды, тем сильнее родилось в нем бесстрашие к плаванью на самых уже морях, и даже в самые бурные времена; а сие доказывает, что не было в нем ни одной такой страсти, которой бы не мог он преодолеть в себе, как то сие подтвердится ниже; а между тем один бесстрашия его на море пример представим в следующем анекдоте.